

РАЗДЕЛ III. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ ДРУГИХ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК: 124+17.021.2+141.332

Гришаева Е.И.

ПОНЯТИЕ «ЛИЧНОСТЬ» В РАБОТАХ ВЛАДИМИРА ЛОССКОГО И ТВОРЕНИЯХ ОТЦОВ ЦЕРКВИ IV ВЕКА*

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме понимания человеческой личности в работах Владимира Лосского. Концепция человеческой личности Лосского рассматривается в контексте учения отцов церкви IV века. Автор дает определения и сравнивает способы употребления понятий сущность и ипостась в творениях отцов церкви и работах Лосского. На основании этого автор делает вывод, в какой степени концепция личности человека Лосского соответствуют богословским основаниям восточно-христианской традиции.

Ключевые слова: история философии, ипостась, личность, патристика, природа, сущность

E. Grishaeva

THE CONCEPT OF PERSONALITY IN PAPERS OF VLADIMIR LOSSKY AND WORKS OF OF THE CHURCH FATHERS OF THE 4TH CENTURE

Abstract. This article is devoted to the problem of understanding of personality concept in papers of Vladimir Lossky. Lossky's personality concept is discussed in comparison with doctrine of the Church Fathers of the 4th centure. The author gives definitions to concepts essence (ουσία) and hypostasis (υπόστασις) and compares ways of their use in works of the Church Fathers and papers of Lossky. On the basis of it, the author makes a conclusion of the degree of personality concept correlation to theological grounds the Eastern Christian tradition.

Key words: essence, history of philosophy, hypostasis, nature, patrology, personality.

Владимир Лосский в своей работе «Богословское понятие человеческой личности» указывает на то, что разработанного понятия человеческой личности практически не встречается у святых отцов, тогда как учение о Лицах или Ипостасях Бога изложено чрезвычайно четко. Так как человек сотворен по образу и подобию Бога, Лосский считает возможным перенесение принципов и понятий троического богословия в антропологию. Целью данной статьи является рассмотрение того, насколько понятие человеческой личности, сформулированное Вл. Лосским отвечает богословским основаниям восточно-христианской традиции. Так как основные понятия троического богословия, которые использует Лосский для построения концепции личности (ипостась и природа), определим, совпадает ли значение этих понятий в его работах и

* © Гришаева Е.И.

творениях отцов церкви IV века. Для этого рассмотрим, какое значение отцы каппадокийцы вкладывали в понятия «ипостась» и «природа» и как соотносили эти термины друг с другом. Затем сопоставим принятое ими употребление с пониманием этих терминов Владимиром Лосским.

В соборном изложении веры Никейского собора термин *οὐσία* встречается дважды: «Веруем ... во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, едиnorodного, рожденного от Отца, т.е. из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, Отцу единосущного...» [2, 51]. В Никейском символе веры много внимания уделяется рассмотрению единосущности Лиц Троицы, но нет термина, который бы обозначал Их различие.

Согласно Георгию Флоровскому, Афанасий Великий учил о единосущии Отца и Сына, но различия между сущностью (природой) и ипостасью у него нет, оно появляется у каппадокийцев [9, 47]. Иоанн Мейендорф отмечает, что Афанасий в полемике с арианами отстоял термин «единосущный», который «был осужден на Антиохийском соборе в III веке как выражение модалистской ереси». [8, 74]. Говоря о единой сущности Отца и Сына, Афанасий Великий указывает, что эта сущность не делится на части: «Бог не делится на части; Он – неделимо и бесстрастно Отец – Сыну» [1, 414]. Согласно Мейендорфу, «разработать правильную терминологию, устранившую противоречие между понятием единосущия и троичной природой Бога» удалось только отцам каппадокийцам (Василию Великому, Григорию Богослову и Григорию Нисскому), которые «очистили никейскую веру от подозрений в модализме» [8, 76].

Василий Великий говорит о равной сопричастности сущности (единосущность) всех трёх ипостасей: «Бытие Отца, представлявшееся тебе во [многих] размышлениях, ты заметишь и у Сына, равным образом, и у Духа Святого. Ведь понятие нетварного и непостижимого одно и то же у Отца, Сына и Святого Духа» [3, 55]. В качестве основных свойств сущности он называет нетварность, непостижимость, неохватность никаким местом. Григорий Богослов говорит о «едином Божестве» и «единой Силе», которые присущи трём ипостасям в равной мере; он указывает на неизменность и равенство самим себе этих свойств.

Рассматривая примеры различных сущностей (животного, человека), Григорий Нисский дает следующее определение сущности: «называя сущность такую-то, не иное что означаем, как существование, причастное жизни, в отличие от другого ему неподобного ... к сущности, или ко всякому роду, в отличие от состоящих под ним видов придается слово: такая-то сущность, или такое-то животное, то есть словесное или бессловесное» [5, 371]. Григорий Нисский говорит о сущности как о родовом понятии, объединяющем в себе отличительные признаки, характерные только для данного рода.

Григорий Нисский, говоря о сущности, указывает на неделимость её на части: «естество одно, сама с собою соединенная и в точности неделимая единица, неувеличиваемая приложением, неумалюемая отъятием; но, как есть одна, так, хотя и во множестве является, сущая нераздельною, нераздробляемою, всецелою, неуделяемою причастникам ея по особой части каждому» [5, 114]. Это относится в равной мере и к ипостасям Троицы, и к человеческим индивидуумам.

У отцов каппадокийцев нет принципиального различия между понятием сущности и понятием природы. По отношению к трём ипостасям Василий Великий говорит о единстве сущности, Григорий Нисский так же говорит о единой сущности и трех Лицах («одна и та же сущность, которая в Лицах» [5,

371]). Григорий Богослов в некоторых случаях понятие сущности заменяет понятием естества: «не естества разделяем, но отличаем личные свойства единого и несоединенного естества» [4, 652]. Понятие природы или естества отцы каппадокийцы употребляют не в значении сотворенного бытия, совокупности всех сотворенных вещей, а в значении внутренней сущности вещей.

Таким образом, сущность это понятие, характеризующее общий способ бытия ипостасей, содержащее в себе родовые признаки. Каждая из ипостасей Бога содержит в себе всю полноту сущности; сущность не делится между ипостасями на равные части. Сущность Бога несопоставима с другими тварными сущностями и полностью непознаваема, употребление понятия сущности в отношении Бога довольно условно.

Впервые терминология, указывающая на отличие друг от друга Лиц Святой Троицы появилась в работах отцов каппадокийцев. Для этого они использовали два термина: ипостась (ἰποστασις) и лицо (πρόσωπον). Иоанн Зизиулас в своей работе «Личность и бытие» пишет, что до этого слово πρόσωπον не имело онтологического статуса, не отождествлялось с сущностным бытием человека, а указывало на роль, на некоторое дополнение к бытию, отличное от его сущности. Важность синтеза, заключалось в придании слову πρόσωπον онтологического измерения при помощи сближения его значения со значением термина ἰποστασις.

Григорием Богословом и Василием Великим термины лицо и ипостась употребляют как взаимозаменяемые. Григорий Богослов в Слове XXXIX говорит о тройственном свете, «тройственным в отношении к особенным свойствам, или к Ипостасям (если кому угодно назвать так), или к Лицам (нимало не будем препираться об именах, пока слова ведут к той же мысли), – единым же в отношении к понятию сущности и, следовательно, Божества» [3, 652].

Отцы каппадокийцы говорят о неслиянном и раздельном отличии ипостасей. Три ипостаси внутри Святой Троицы имеют «несхожие и необщие замечаемые в Троице признаки, которыми выявляется своеобразие Лиц» [2, 53]. Различие ипостасей отцы каппадокийцы определяют через способ отношения ипостасей друг к другу. Василий Великий называет следующие отличительные свойства ипостасей: Отцовство, Сыновство, Святыня. «Если не представляем отличительных признаков каждого Лица, а именно: Отцовства, Сыновства и Святыни, исповедуем же Бога под общим понятием существа, то невозможно нам здраво изложить учение веры» [3, 283]. В отличие от Василия Великого, Григорий Богослов определяет различие Отца Сына и Святого Духа через рожденность, нерожденность и исхождение: «отличительное свойство Отца есть нерожденность, а Сына рожденность, и Духа Святого - исходность (ἐκταμις)» [4, 450]. Василий Великий пишет: «Между Лицами устанавливается некое общение... недомыслимое, неизреченное, но общение непрерывное и нерасторгаемое» [3, 55].

Таким образом, невозможно говорить о личностном бытии вне общения с другими Лицами; следовательно, сам феномен личности возникает через общение с другими. Григорий Богослов уточняет, что различие ипостасей между собой не означает их различия по сущности: «Отец – есть имя Божие не по сущности и не по действию, но по отношению, какое имеет Отец к Сыну или Сын ко Отцу» [5, 518]. Василий Великий определяет различия между сущностью и ипостасью как различие между общим и частным: «и сущность, и ипостась имеют между собою такое же различие, какое есть между общим и отдельно

взятым, например, между живым существом и таким-то человеком» [3, 282].

Несмотря на различие ипостасей между собой, мы не можем говорить об их отдельности, подобно тому, как разделены человеческие ипостаси; все три ипостаси Бога существуют между собой в неразрывном единстве. «...нельзя заметить [между ними] ни в каком месте рассечения или разделения, так чтобы Сын мыслился отдельно от Отца, или Дух отлучался от Сына, но постигаем мы в Них некое неизреченное и непостижимое соучастие и разделение: и различие ипостасей не разрывает связности природы, и общность природы не стирает собственных признаков» [3, 55]. Мысля об Отце, мы одновременно мыслим об Отце и Сыне, а принимая Сына, принимаем и Святого Духа.

Мы (автор статьи) можем сформулировать следующее определение понятия ипостась. *Ипостась* это индивидуальное существование, обладающее неизменными и особыми свойствами, определяемыми через отношения с другими ипостасями и имеющие онтологическое основание в общей природе (сущности). Каждая ипостась содержит полноту природы и, несмотря на общность природы, сохраняет свои отличительные особенности. Невозможно говорить о различии в онтологическом плане между природой и ипостасью. Каппадокийцы подчёркивают недостаточность и ограниченность наших понятий для познания Бога.

В творениях отцов каппадокийцев часто встречаются многочисленные примеры употребления терминов ипостась и сущность применительно к человеку. Чтобы указать на какого-либо конкретного человека, на его ипостась, мы должны назвать его ипостасные свойства: цвет волос, рост, возраст и т.д. Хотя мы и называем Петра и Варнаву человеком, при этом мы подразумеваем одну общую и неделимую сущность, имя которой человек. «Человек суть один человек, и по этому же самому, по имени человек, не могут быть многие, называются же многими людьми по неточному словоупотреблению, и не в собственном смысле» [5, 374].

Г. Флоровский так поясняет этот момент: «...три относятся к различному, а человек есть имя неразличаемой, но как раз отождествляемой сущности» [9, 211]. Под термином человек Василий Великий понимает общность обозначаемого, природу, «лишенную особенных признаков» [3, 56]. Говоря о человеке, мы имеем в виду сущность, общее понятие; а указывая на Петра, Павла как на нечто единичное, мы используем слово человек ввиду неточности нашего словоупотребления.

Владимир Лосский пишет что, в творениях святых отцов мы не можем найти разработанного учения о человеческой личности, а учение «о Лицах или Ипостасях Божественных изложено чрезвычайно чётко» [7, 645]. В работе «Богословское понятие человеческой личности» он раскрывает догматические основания, которым должно соответствовать «понятие человеческой личности в контексте христианского догмата» [7, 646].

Лосский указывает, что в богословии отцов каппадокийцев, ипостась не сводима к сущности или природе. «Несводимость ипостаси к сущности или природе, ... которая, раскрывая характерную ипостасную неопределимость, заставила нас отказаться от тождественности между ипостасью и индивидуумом в Троице» [7, 649]. Лосский определяет ипостась как превосхождение природы; это указывает на то, что личное бытие больше, чем бытие сущности. Понятие $\pi\alpha\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$ в Троице включает в себя всю общую природу, а не дробит её на несколько частей. Противопоставление между ипостасью и сущностью в

Троице как между частным и общим он понимает как достаточно условное, как «подход через определения к неопределимому» [7, 648].

Лосский отмечает различные способы отношения между природой и ипостасью внутри Троицы и в антропологии. Внутри Троицы каждая ипостась содержит божественную природу во всей её полноте, ипостаси не противопоставляются друг другу: «Ни одна из них, обладая природой, ею не «владеет», не разбивает ее, чтобы ею завладеть; именно потому, что каждая Ипостась раскрывается навстречу другим» [7, 470]. И «в Троице понятие ипостаси отлично от понятия индивида, принадлежащего к некоторому роду» [7, 650].

В антропологии, согласно Лосскому, мы не можем говорить о единстве природы для всех тварных существ, индивидуумов. Вследствие первородного греха происходит разделение этой природы, её атомизация; присваивая себе отдельную её часть, индивид противопоставляет себя другому. Преодоление раздробленности природы и возвращение её целостности возможно только внутри Церкви.

Различая индивидуума и ипостась, Лосский противопоставляет понятие личности и природы в человеке. Индивидуум принадлежит природе, виду, он представляет собой атомизацию общей для всех людей природы, личность же есть нечто несводимое к природе, её превосходящее. Личность мыслится как самостоятельное начало; в то же время, личность, подобно Лицам внутри Святой Троицы, мыслима только через отношение с другими личностями. Для личности не свойственно отношения противостояния – вражды, как для индивидуумов.

При определении человеческой личности для Лосского наиболее важным является следующее: личность есть несводимость человека к его природе, его индивидуальности. Но, как и в троическом богословии нет четкого положительного понятия Лица, так невозможно дать определения, чем является личность, пишет Лосский. «Сформулировать понятие личности человека мы не можем и должны удовлетвориться следующим: *личность есть несводимость человека к природе*. Именно несводимость, а не «нечто несводимое» или «нечто такое, что заставляет человека быть к своей природе несводимым», потому что не может быть здесь речи о *чем-то* отличном, об «иной природе», но только о *ком-то*, кто отличен от собственной своей природы, о *ком-то*, кто, содержа в себе свою природу, природу превосходит... » [7, 654].

В заключение надо сказать, что употребление терминов природа и ипостась у святых отцов и Владимира Лосского во многом схоже, однако существуют и некоторые отличия.

Отцы каппадокийцы определяют отличительные признаки ипостасей через их отношение друг другу; Лосский в своих работах, ссылаясь на каппадокийцев, так же говорит об этом, однако, этот момент недостаточно учитывает при построении концепции человеческой личности. Ипостась по отношению к человеку понимается Лосским слишком узко, только как несводимость к природе, а момент единства с природой рассмотрен слабо. У Лосского индивидуум, в отличие от ипостасей Троицы, включает в себя природу; индивидуумы делят природу на отдельные части. Согласно учению отцов каппадокийцев, природа понимается как неделимое общее понятие, а ипостась является индивидуальным проявлением этой природы, но не дробит её на равные части. Для отцов каппадокийцев нет разницы между божественными и человеческими ипостасями в отношении к природе.

Словом, определение личности как несводимости к природе, которое дает Владимир Лосский, расходится с пониманием отношения между ипостасью и природой у отцов каппадокийцев. Согласно последним, ипостась всегда соотносится с некоторой природой подобно тому, как соотносятся частное и общее, и между ними нет онтологического различия. У Владимира Лосского понятие ипостаси онтологически нетождественно понятию природа.

Таким образом, мы можем определить концепцию личности человека у Владимира Лосского как самостоятельное богословско-философское построение, в ряде моментов вступающее в противоречие с богословскими основаниями учения отцов церкви.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасий Великий. Творения. // Афанасий Великий. Соч.: В 4 т. Т. 3. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902.
2. Деяния соборов. // Деяния соборов. Соч.: В 7 т. Т. 1. Казань, 1910.
3. Василий Великий. Творения. // Василий Великий. Соч.: В 3 т. Т. 3. СПб., 1911.
4. Григорий Богослов. Собрание творений. // Григорий Богослов. Соч.: В 7 т. Т.1. М., АСТ, 2000.
5. Григорий Нисский. Творения. // Григорий Нисский. Соч.: В 8 т. Т. 4. М., 1862.
6. Лосский В.Н. Боговидение. М., 2006.
7. Мейендорф Иоанн. Введение в святоотеческое богословие (конспекты лекций). Вильнюс, 1992.
8. Флоровский Г. Восточные отцы церкви. М., 2005.